

Екатерина Береславцева
повесть

16+

Когда уходит
ПЕЧАЛЬ

Екатерина Береславцева

Когда уходит печаль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56992566

SelfPub; 2023

Аннотация

Вместо уютной спальни – безликое купе для проводников. Вместо домашних пирожков – приевшиеся специалитеты из вагона-ресторана. Вместо семьи и школьных друзей – персонал пассажирского поезда да личный дневник... До недавнего времени такая жизнь «на колёсах» Любочку полностью устраивала. Тем более что собственной квартиры у неё никогда не водилось, а в детстве кочевать из состава в состав вместе с мамой – работником железной дороги – было даже весело. Теперь Люба – взрослая барышня, умеющая обаять и настроить на мирный лад самых ворчливых пассажиров. Вот только велики ли шансы на любовь у той, которая упорно не желает сходить на станции под названием «Личное счастье»? И как примет Любочку жизнь по ту сторону вагонных окон, которая абсолютно не укладывается в рамки железнодорожных графиков и расписаний?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	27
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Береславцева

Когда уходит печаль

Глава 1

– Прошу предъявить билеты и паспорта для посадки!

Звонкий голос русоволосой девушки-проводницы разнёсся по всему перрону и был подхвачен другими проводниками, словно они только и ждали этого сигнала. Будущие пассажиры, а пока просто счастливые обладатели билетиков, выстроились в оживлённые очереди и, по одному, стали проходить в свои вагоны, поднимая с собой чемоданы, тележки, коробки, сумки, портфели и маленьких собачек. Да-да, лающих друзей человека было несколько на состав, и звонко-голосая проводница очень этому порадовалась. «Когда-нибудь, – подумала она, – заведу себе огромного мохнатого пса. Ну, ладно-ладно, пусть не огромного, кто же мне позволит, но уж пигалицу с кучерявой шерстью и доверчивыми глазами – обязательно! Буду кормить её сосисками, выводить на прогулку во время остановок и учить разным фокусам...»

– Что за фокусы ещё?! – недовольный женский голос вторгся в её мечтания, и проводница вздрогнула, возвращаясь в реальность и обратив обескураженный взгляд на говорящую. Это была довольно объёмная тётушка лет пятидеся-

ти пяти с маленькой чёрной шляпкой на пышных волосах. Она смотрела на хозяйку вагона с явным укором, точно обвиняя её во всех смертных грехах.

– Простите? – моргнула девушка.

– Не собираюсь я вас прощать! – воскликнула толстуха визгливо. – Я вас спрашиваю, что ещё за фокусы?! Что за бардак у вас тут творится? Только что передо мной проскочил какой-то наглец, у которого был мой билет!

– Что значит – ваш? – ровным голосом профессионала спросила проводница. – Билет был оформлен на Белова Константина, а значит, он никак не мог принадлежать вам!

– Да при чём тут какой-то Константин! – загрохотала скандалистка. – Вот, смотрите! У меня точно такой же вагон и такое же место, как у этого проходимца! Смотрите, смотрите!

И она несколько раз помахала перед лицом девушки своим билетом. Проводница ловко перехватила листок и пробежалась по нему глазами. Лицо её прояснилось.

– Уважаемая Ирина Вячеславовна, мне очень жаль, но вы ошиблись датой. Сегодня у нас семнадцатое марта, а у вас поездка назначена на шестнадцатое! Таким образом, вы должны были ещё вчера...

– Не надо мне ваших образов! – вспыхнула толстуха ихватила билет. – Что ещё за бред? Какое шестнадцатое, когда я вчера утром брала на семнадцатое! Разуйте глаза, милочка, тут чёрным по белому написано, что... – Она осеклась,

увидев свою неправоту, но через секунду продолжила с ещё большим накалом: – Я буду жаловаться! Я брала билет в вашей поганой кассе на семнадцатое марта и не виновата, что слепая кассирша перепутала даты!

– К сожалению, такие накладки случаются иногда, человеческий фактор. Вам надо было проверить билет сразу же, на месте...

– Да что вы меня учите, милочка! – губы толстухи задрожали. – Какое проверить! Да я... да мне...

И тут случилось неожиданное – из её глаз вдруг полились слёзы. Проводница на секунду онемела, но потом тронула женщину за руку и произнесла сочувственно:

– Вы ещё можете сдать билет, чтобы получить компенсацию...

– Какая компенсация, господи! – всхлипнула толстуха. – У меня мать при смерти, мне срочно ехать надо, а вы говорите – компенсация! Зачем она мне сдалась, ваша компенсация? Мне вчера ночью брат позвонил, и я сразу побежала за билетом! Только вчера я никак не могла поехать, ждала, когда внучку заберут! Как я её оставить могла, малышку! А ваша поганая кассирша!.. Да что с вами говорить!

Тут она горестно махнула рукой, подхватила свой баул и поплелась по перрону. Из неё словно выпустили всю энергию. Проводница, прикусив губу, смотрела ей вслед.

– Подождите! – наконец вскрикнула она.

Но толстуха продолжала идти, ничего не слыша в своей

печали.

– Подождите же, Ирина Вячеславовна! – проводница бросилась за ней...

Глава 2

Плацкартный вагон набился до отказа, когда протрубил гудок машиниста и состав, медленно набирая ход, отправился в путь. Провожающие махали руками, кто-то плакал, кто-то сразу зашагал к зданию вокзала, кто-то побежал за вагоном, оттягивая момент расставания. Пассажиры продолжали суетиться, раскладывая вещи – те, кто не успел их разложить по местам, – и знакомиться с соседями.

Проводница, тщательно, согласно всем инструкциям, замкнув вагон, появилась в проходе. Лицо её сияло радушием, как у хозяйки, встретившей дорогих её сердцу гостей.

– Уважаемые пассажиры, прошу приготовить свои билеты на проверку! – с улыбкой громко объявила она и медленно направилась по вагону.

– Уже проверяли вроде! – недовольно заметил сухощавый дедок из пятого купе.

– Всегда два раза проверяют, при посадке и после того, как поезд тронется, – миролюбиво объяснил ему сосед, круглолицый мужчина средних лет. Он, по всей видимости, был бывалым путником.

– Зачем два раза? Развели бюрократию! – пробубнил сердитый пассажир, но всё же полез в карман за билетом, а заодно вытащил и паспорт в потрёпанной обложке.

– Это вы ещё бюрократию не видали! – подала голос ба-

булька в синем платочке из соседнего купе. – Вот платила я на днях за квартиру. За свет заплатила, за газ тоже, а как дошло до воды, выясняется вдруг, что вместо моей улицы Лихой у них в платёжках значится переулок Лихой. Какой такой переулок, откуда он взялся? Отродясь в нашем городке таких переулков не было! Ну, кинулась я в домоуправление, а они меня в гороно отфутболивают, прихожу в гороно, а мне говорят...

– Ты бы ещё в минздрав припёрлась, бабка! – перебил соседку небритый мужичок в тельняшке, раскладывающий как раз над ней, на второй полке, свою постель. От него заметно пахло алкоголем и чесноком, которым он, видимо, пытался загасить стойкий запах. – А лучше в спорткомитет, ха-ха! Деревня!

– Зато по тебе сразу видно, что городской! – весело переключилась на соседа говорливая бабуля. – Вона, нажрался уже на дорожку! Небось и с собой прихватил!

– А ты и завидуешь? – не смутился мужичок. – Завидовать – грех, бабуся с лихого переулка!

– Было б чему завидовать!

– Да-а-а, весёлая дорога нам предстоит, – пробормотала себе под нос ещё одна пассажирка, сухощавая дама лет пятидесяти, сидевшая через два отсека от спорщиков. – Надо было купе брать.

– Вот и я тоже думаю, понёс меня чёрт в плацкарте ехать, – услышала её бормотание соседка с боковой полки напротив.

Они улыбнулись друг другу понимающе.

А между тем проводница, не убирая с лица доброжелательной улыбки, продолжала проверять билеты, попутно объясняя каждому купе, какими услугами они могут пользоваться в вагоне и какие обязательства при этом должны исполнять. Её ровный голос и тёплая улыбка делали своё дело – пассажиры успокаивались и веселели, словно и правда чувствовали, что они тут – важные гости и им несказанно рады. Даже нахал в тельняшке присмирел, когда к нему обратился взгляд добрых, но серьёзных серых глаз хозяйки вагона.

– Хороша... – прошептал он ей вслед со вздохом.

А девушка действительно была хороша. Стройная, с длинной шеей и нежной белой кожей, будто не знавшей никогда загара, с тяжёлой русой косой, уложенной вокруг головы, – она словно сошла сюда с картин Васнецова, чтобы подмешать в палитру мира новых оттенков – доброй сказки и чудес.

– Хороша, Маша, да не наша! – поддержал небритого сердитый дедок, начавший разговор о бюрократии. Впрочем, теперь его сердитость сменилась улыбкой, даже несмотря на то, что его паспорт при второй проверке был отклонён за ненужность.

К тому времени, как проводница закончила свой обход, настроение всего вагона изменилось, как по волшебству, и на обратном пути девушку провожали уже совсем другие взгляды. Однако она, в свою очередь, бдительности не те-

ряла, отметив про себя все те моменты, которые могли каким-то образом помешать поездке, вызвав нежелательные последствия. К ним относились и звон бутылок в сумке мужичка в тельняшке, и слишком бледный вид толстушки в седьмом купе, и красные глаза девицы из второго, и ещё много чего такого, чего бы мы, простые смертные, не заметили и на чём заострился внимательный взгляд профессионала.

Когда проводница с чувством исполненного долга вернулась в своё купе, к ней, один за другим, потянулись пассажиры. И каждый, заглянув в раскрытую дверь, мог увидеть ещё одну обитательницу служебного отсека – круглолицую женщину с маленькой чёрной шляпкой на голове, которая вздрагивала от любого шума и старалась ещё глубже задвинуться в тень от назойливых взглядов. Однако русоволосая девушка ничуть не смущалась присутствием постороннего в своём купе. Она любезно отвечала пассажирам на их разнообразные вопросы, выходила с ними по необходимости и возвращалась вновь, и обращалась к толстушке с таким видом, как будто та имела полное право находиться в этом вагоне и в этом поезде.

– Ирина Вячеславовна, сделать вам чайку?

– Спасибо, Любочка, я не хочу! – сдавленным голосом отвечала женщина, стараясь стать ещё незаметнее. В ней сейчас никак невозможно было узнать ту крикливую даму, час назад устроившую небольшой скандал на перроне. Она как будто даже в объёме уменьшилась, а не только в своём на-

поре.

– А я всё-таки сделаю! – звонко отвечала девушка Люба. Удивительно, как подходило ей это имя! – А ещё у меня есть специально для вас кизиловое варенье! Ведь вы любите кизиловое варенье, Ирина Вячеславовна?

Не странно ли, что Люба угадала?

– Очень! – призналась пассажирка и покраснелась ещё сильнее, теперь уже от удовольствия. – Но откуда у вас оно? Нынче мало кто варит варенье из кизила. Мама или бабушка постарались?

– Мама, но не моя, – ясно улыбнулась проводница, – а моей напарницы. Она для меня всегда передаёт, знает, как я его люблю.

– А где же ваша напарница сейчас? Странно, что вы одна в рейсе...

– Она на больничном. Но я частенько одна езжу, мне это совсем не в тягость! – Возникшая на лице девушки радость лишь подтвердила её искренность.

– Понимаю вас, Люба. Пока молодая, нагрузка даже бодрит. Да ещё и оплата, наверное, двойная – за себя и за того парня?

– А я и не знаю, какая оплата, – пожала плечами Люба. – Вам чаю с сахаром или без, Ирина Вячеславовна?

– Без, голубушка, – слегка удивилась такому ответу безбилетная пассажирка. – Как же вы не знаете, сколько за рейс заплатят? Это даже странно. Хотя... – она смутилась, – судя

по тому, что вы меня посадили в своё купе да ещё отказываетесь от платы... Вы редкая девушка, Люба! И я так благодарна вам, так благодарна! Если бы не вы... – у женщины дрогнул голос.

– Я рада, что смогла вам помочь, и не будем больше об этом говорить!

– Вот только боюсь, что попадёт вам за меня. От начальства достанется.

– Об этом можете совсем не волноваться, Ирина Вячеславовна, не достанется. Пейте чай, пока горячий, а я пойду в пятое купе кофе отнесу...

Люба вышла с подносом в руках, и тётушка принялась за чай, но мысли об отзывчивой проводнице не выходили у неё из головы. Эх, если бы такую жену для младшего сына, для Глеба! А то вечно ему с девушками не везёт, попадаются одни акулы да пираньи, а эта, сразу видно, рыбка золотая. С такой только жить и горя не знать. Да-а-а...

Мысли о сыне вскоре заменились мыслями о матери, и пассажирка опять пригорюнилась, завздохала и даже всплакнула немного, пока никто не видит...

Глава 3

День близился к вечеру. Одни пассажиры сменялись другими, и Любе хватало работы. Но она не унывала. Везде поспевала – и недоразумения мелкие разрешить, и за чистотой проследить; то тут, то там мелькала её русая коса и слышался мягкий глубокий голос. Покой разливался в вагоне, и во многом благодаря волшебной ауре проводницы.

Беда, как показалось безбилетной пассажирке, нагрянула неожиданно. Она уж успокоилась, даже почувствовала себя здесь немного хозяйкой – сполоснула грязные стаканы, чай приготовила для очередных просителей, продала пару пачек печенья и деньги положила в то местечко, куда складывала сама Люба. Именно за последним занятием её и застали... Их было двое – одному на вид лет двадцать пять, почти ровесник Любы, другой, с густыми усами, приближался уже к шестому десятку. Оба – представители службы охраны поезда. В вагон они зашли с дальнего конца и теперь постепенно подходили к купе проводницы. Ирина Вячеславовна не почувствовала их приближения, иначе тотчас бы уселась на своё место, но она старательно укладывала мятые купюры в тетрадь с выручкой, когда в проёме купе показалась первая фигура молодого охранника. Он уже издали заготовил улыбку для Любы, и каково же было его удивление и даже оторопь, когда вместо прелестной девушки он увидел пожи-

люю женщину, которая воровала, как ему показалось, Любины деньги!

– Эй! – вскрикнул он и схватил «мошенницу» за руку. – Вот это наглость среди бела дня! Артём Петрович, гляньте, кого я поймал на месте преступления! Просто картина маслом!

Артём Петрович заглянул в купе. Его взгляд наткнулся сначала на деньги в руках женщины, затем поднялся к её перепуганному лицу, потом перебежал на чёрную шляпку и там задержался на пару секунд.

– Эге-ге, – сказал Артём Петрович густым басом и дёрнул себя за усы. – А вот так увидел бы я вас, гражданочка, где-нибудь на улице, никогда бы не подумал ничего дурного. Не зря говорят, что внешность – штука обманчивая. Как же вам не стыдно, а? В таком достойном возрасте, а мудрости, понимаешь, не набрались!

– И главное, у кого, у Любы! – с негодованием воскликнул его напарник.

– Да, совсем худое дело. Это все равно что у ребёнка воровать! Эх вы, гражданочка!

– Вы всё не так поняли! – пролепетала бедная Ирина Вячеславовна.

– Обычная история, – вздохнул Артём Петрович. – Муж застаёт любовника жены в собственной спальне, а тот кричит, что его неправильно поняли! Всё мы правильно поняли, гражданочка. Увы. Что ж, Василий Иванович, – обратился

он к напарнику, – будем оформлять. Предъявляем документы, гражданка.

– Выслушайте меня, я сейчас всё подробно объясню! – чуть не плача, сказала женщина.

– Конечно, объясните! Только сначала документики попрошу...

– Вася, Артём Петрович, что здесь происходит? – раздался удивлённый голос Любы, которая наткнулась на дородное тело старшего полицейского у входа в своё купе.

– Любочка! – одновременно сказали все трое, только Ирина Вячеславовна с видимым облегчением, Артём Петрович с нежностью, а Василий – с восторженным трепетом.

– Ирина Вячеславовна, они вас обижают? – сразу вникла в суть обстановки девушка. – Ребята, это Ирина Вячеславовна Колесникова, моя гостья. Произошла ошибка с её билетом – не по её вине! – поэтому я позволила Ирине Вячеславовне, исходя из её семейных обстоятельств, разместиться в моём купе.

– Но... – начал было Артём Петрович, но его перебил пылкий Василий.

– При чём тут билет, она деньги хотела стащить, Люба! – горячо воскликнул он, кивая на раскрытую тетрадку. – Я её за руку поймал на месте преступления!

– Ну что ты, Вася! – с укором сказала Люба. – Я попросила Ирину Вячеславовну во время моего отсутствия продавать пассажирам печеньки, вот она и продавала. А тетрадку

с выручкой я ей сама показала.

– Но как же так! – Василий нехотя разжал пальцы, выпуская руку пассажирки. – Нельзя быть такой доверчивой, Люба!

– Разве я доверчивая, Артём Петрович? – обратила Люба серьёзные глаза на старшего охранника.

Тот не раздумывал ни секунды.

– Нам у тебя поучиться ещё нужно, понимаешь, в людях разбираться! Ну, Василий, чего стал? Извиняемся перед гостьей нашей Любочки и уходим!

– Но я... – парень покраснел.

– Вася! – строгим голосом произнесла Люба.

– Простите нас, пожалуйста... – Василий, ещё гуще краснея, повернулся к женщине. – Мы неправильно разобрались в ситуации и...

– Да ладно, чего уж там, – выдохнула облегчённо Ирина Вячеславовна. – Я бы на вашем месте почище скандал закатила. Так что я ещё легко отделалась!

– Всё-таки внешность не всегда обманывает, понимаешь, – Артём Петрович усмехнулся в свои усы. – Прошу и я прощения, уважаемая Ирина Вячеславовна. Виноват и готов понести наказание!

– Ну что вы, Артём Петрович! – женщина смутилась.

– А вот я придумала для вас наказание! – весело сказала Люба.

И она прошептала что-то в ухо старшему охраннику. Тот

улыбнулся понимающе.

– Будет сделано, госпожа начальница! Василий, кругом шагом марш!

Мужчины ушли. Ирина Вячеславовна обессиленно рухнула на полку. Люба присела с ней рядом.

– Господи, как я перепугалась!

– Это моя вина, Ирина Вячеславовна! Надо было мне сразу предупредить ребят. Простите меня, пожалуйста! И за себя, и за это страшное недоразумение...

– Она ещё и извиняется! Вы что, Любочка, святая вы душа, я сама во всём виновата! Сначала с билетом недоглядела, потом вас подставила, да ещё и это...

Тут женщина порывисто обняла девушку и всхлипнула. Та ответила на её жест ласковым поглаживанием по плечу.

Жизнь продолжалась...

А ужинали обитательницы служебного купе с размахом. Видимо, в этом и заключалось наказание для осрамившейся службы охраны – они натаскали из вагона-ресторана столько еды, что у Ирины Вячеславовны опять навернулись слёзы на глаза. Во-первых, от благодарности, а во-вторых – уж очень она любила вкусно поесть. Денег мужчины не взяли ни от гостыи, ни от самой Любы и даже обиделись немного на девушку, но покидали её купе, впрочем, в самом прекрасном расположении чувств. Особенно Вася, который никак не мог оторвать своих глаз от Любы. Артём Петрович тоже посматривал с некоторым смущением на... Ирину Вячеславовну,

но это, конечно, происходило только от чувства своего стыда за недавнее подозрение в её адрес.

Ужин проходил в обстановке покоя и тишины. Пассажиры не беспокоили хозяйку вагона, только изредка кто-нибудь из них мелькал за дверью, проходя за горячей водой или другими надобностями, и, бросая взгляд внутрь служебного купе, мог видеть мирно ужинающих женщин и слышать обрывки их разговора.

– ...Сама-то я деревенская, Любочка, всё детство провела в отчем доме на земле, но как уехала учиться, путь обратно позабыла... – вздыхала старшая из собеседниц. – Нет, сначала-то навещала родителей, два раза в год, в каникулы, потом реже, а потом и вовсе раз в пятилетку приезжала. Неблагодарная я дочь!

– У вас ведь своя семья появилась, дети, внуки, забот полон дом...

– Это правда, но всё же не может являться оправданием... А год назад умер отец, ему уж девяносто три было. Тут-то я и спохватилась. Хотела маму в город забрать, чтобы хоть оставшееся у неё время вместе провести, но не тут-то было. Заартачилась мама, не покину, мол, собственный дом и могилу мужа, и всё тут. Уговаривали мы её с братом, да какой там! Упрямая! Вот и наезжала я к ней раз в месяц, а то и чаще, с братом по очереди. А неделю назад заболела наша мама, воспаление подхватила. Сначала вроде ничего было, а потом всё хуже и хуже. Вчера совсем нехорошо стало, брат и

позвонил мне, мол, приезжай, Ира, плохи дела. А у меня-то Алёнка, внучка от старшего сына, гостила! Сын с невесткой по делам в другой город уехали, а мне мою Алёнушку оставили на недельку. Пришлось им срочно возвращаться, – женщина вздохнула. – Вот не знаю теперь, в каком состоянии мать застану. И застану ли...

– Обязательно застанете! – уверенно заявила Люба. – А может, ещё и выздоровеет ваша мама!

– Это одному Богу теперь известно... Любаша, что же ты так плохо ешь сама? Я вон, гляди, наворачиваю за обе щёки, а ты как птичка-невеличка, ей богу.

– А я на ночь вообще мало ем, Ирина Вячеславовна. С детства так повелось. При нашей работе ведь за питанием надо строго следить, сами понимаете. Иначе распуститься недолго.

– Тут я с тобой согласна и даже больше тебе скажу – при любой работе надо за собой следить, чтобы не превратиться в такую квашню, как я! – усмехнулась толстуха. – Так что всё ты правильно понимаешь и делаешь. Только иногда можно и побаловать себя, тем более в твоём возрасте. Приезжаешь после очередного рейса домой, к папе с мамой, а там мамини пирожки да оладушки – как тут не порадовать себя за все лишения колёсной жизни?

– Если есть дом с папой и мамой, то можно и побаловать, – улыбнулась Люба.

– А у тебя нет, что ли?

– Неа, ни того, ни другого.

– Где же ты живёшь, Любаша? И с кем?

– Здесь. А гостей вон сколько у меня, полный вагон! Да каждый день разные, не соскучишься! – рассмеялась Люба беззаботно.

– Нет, я имею в виду, когда на родной берег сходишь. Квартиру или комнату снимаешь? Или в общежитии от ржд? И в каком городе?

– Не снимаю, Ирина Вячеславовна. Я здесь живу, понимаете? – девушка похлопала по полке, на которой сидела. – Всегда. Ну, не только в этом поезде, конечно. Перемещаюсь из состава в состав, благо вещей не нажила. Но на родной берег, как вы сказали, не схожу. Мой родной берег – железная дорога.

– Ты шутишь! – раскрыла рот толстуха. – Такого не может быть!

– Раз я так живу, значит, может. А ничего удивительного я в этом и не вижу. Каждый живёт так, как хочет, ведь правда? А мне именно так и нравится жить. Очень нравится!

– У меня голова кругом идёт! Это настолько невероятно, что даже поверить трудно. Но скажи, сколько уже времени ты так живёшь?

– Да сколько себя помню.

– То есть? – совсем растерялась женщина. – И что, и даже родилась в поезде?

– И даже родилась. Мама моя ведь тоже проводницей бы-

ла, до последнего дня беременности работала, тут и разродилась. Ей очень повезло, что бригадиром поезда в том рейсе был Иван Иванович Разгуляев, доброй души человек и в прошлом фельдшер. Он меня и принимал. Мама рассказывала, что она даже не успела ничего почувствовать, так быстро и легко всё прошло. Знаете, как раньше крестьянки в поле рожали, походя, между делом. Вот у мамы тоже так получилось. У нас в роду вообще женщины крепкие на здоровье... Ну вот. Первые дни своей жизни провела я в поезде, маршрут-то длинный был, от Владивостока до Москвы и обратно. А когда проезжали мамину родную станцию, город Мариинск, то она со мной вышла, конечно. Да только ненадолго, так уж получилось. Только и успела до дому добежать, а потом обратно в поезд вернуться.

– Но почему?

– Потому что не пустили её в собственный дом даже на порог.

– Как не пустили? – ахнула гостья. – Кто?!

– Бабка моя, мамина мама. Только один вопрос она и задала маме при встрече: от законного ли мужа ребёнок. Мама в ответ отрицательно головой покачала, ни одного слова вымолвить не успела. И дверь захлопнулась. Пришлось маме обратно к поезду бежать. Хорошо, что бабкин дом рядом со станцией находился, иначе пропали бы мы с мамой.

– А что, родни больше никакой у вас в городе не было?

– Ни одной живой души ни в Мариинске, ни где-либо ещё.

В общем, вернулась мама на свой поезд ко всеобщей радости – любили ведь её все очень. И больше нигде не выходила. Так мы с ней и стали ездить уже вдвоём. Я-то маленькая хлопот ей не доставляла, послушная была и рассудительная, а став постарше, даже помогать стала. Теперь вот сама езжу...

– Фантастика какая-то! Подожди, но как же школа, учителя? Документ о рождении-то у тебя был?

– Конечно был! Его бригадир помог маме выправить, он и золотой был человек! А школа... Тут была моя школа, тут были мои учителя. Тот же Иван Иванович оформил меня на домашнее обучение, как-то ему это удалось, и стали меня понемножку учить все вокруг. Один математике, другой – литературе, книжки мне покупали, учебники, тетрадки. Так и выучили. Когда дали паспорт – с помощью уже другого бригадира, Иван Иваныч к тому времени на пенсию ушёл, – то приняли меня уже официально на работу проводницей, с тех пор на колёсах моя жизнь и продолжается. И знаете, Ирина Вячеславовна, я очень счастлива! Каждый день благодарю Бога, что живу такой жизнью, и другой мне вовек не надо!

– Удивительная история! – прошептала толстуха. – Просто невероятная!

– Вы знаете, а мне наоборот кажется, что все вы удивительно живёте. Как можно сидеть на одном и том же месте, общаться с одними и теми же людьми, и так каждый день? Нет, я бы так не смогла, волком бы взвыла в первую же минуту добровольного заточения. Нет-нет, самая нормальная

жизнь – это как раз у меня!

Гостья ошарашенно покачала головой, всё никак не соглашаясь верить невероятным словам.

– А как же бабушка твоя? Неужели она не одумалась, не звала вас с мамой домой?

– Нет. Мама рассказывала, что крутого нрава бабка была, всех в рукавицах железных держала, не только свою дочь. Мужа, моего деда, в гроб придирами вогнала, дочери свету не давала. Ведь мама из-за неё в своё время из дому сбежала и в проводники пошла, только чтобы из-под опеки тягостной вырваться, хотя мечтала она совсем о другой профессии! Но только бабки уж давно в живых нет, мама об этом случайно узнала, когда её бывшая соседка в наш вагон попала. А после того и мама ушла. Так что совсем одна я теперь на свете...

Так закончила эту историю Люба – удивительную для её гостьи и привычную для самой рассказчицы. По всему облику девушки было видно, что она на самом деле, без притворства и лукавств, довольна своей жизнью.

– Да-а-а... – выдохнула Ирина Вячеславовна, – да-а-а... Кому рассказать – не поверят.

– Да не нужно рассказывать, к чему? – улыбнулась Люба. – У каждого человека свой путь. Мой вот такой... Рельсы да шпалы и ветер в проводах...

– Твоя правда, детка. У каждого своя дорога.

– Вы знаете, вы ложитесь уже, Ирина Вячеславовна, отды-

хайте. День у вас непростой был, а как завтрашний сложится – и вовсе неизвестно. Я вам постель застелю, а вы пока можете в туалет сходить, умыться...

– Спасибо, Любонька. И правда, притомилась я немного...

– Я так и увидела.

Долго не могла заснуть Ирина Вячеславовна. Разволновали её слова проводницы, растревожили. Что бы ни говорила эта девушка, думала толстушка, а всё-таки и у неё должен быть шанс узнать другой путь. Не всю же жизнь бесприютно по свету мотаться, у каждого человека дом должен быть, свой, крепко вросший в землю.

С этими мыслями она и заснула. И снился ей дом деревенский, молодые отец с матерью и Ванька-сосед, в которого она была когда-то влюблена. Да только были у этого Ваньки на лице усы, как у Артёма Петровича...

«17 марта

Сегодня только несколько строчек (у меня гостья, которая уже спит, не хочу её тревожить).

Самая главная сегодняшняя мысль: не суди людей по словам их, а суди по поступкам.

Спокойной ночи всем!»

А следующим утром, в десять часов, Ирине Вячеславовне предстояло выходить. Чем ближе подходил поезд к её станции, тем большим волнением наполнялось сердце. Думы, конечно, были о матери, и она надеялась застать её ещё жи-

вой, тем более что звонил брат с сообщением о сносно проведённой ночи. Люба чувствовала нервное состояние своей гостью и старалась не докучать вопросами. Да и некогда ей особо было, уж столько дел у проводника с самого утра, не присесть!

Ровно в десять часов и пять минут Ирина Вячеславовна, крепко сжимая в руке свой багаж, стояла на платформе и смотрела вверх, на Любу, которая уже опустила площадку и стояла в проёме с флажком в руке – до отхода поезда оставалась одна минута. Они улыбались друг другу, расставаясь навсегда. У толстухи почему-то ныло сердце, а у Любы, хоть и привычной к таким прощаниям, ком стоял в горле.

– Ох, – спохватилась Ирина Вячеславовна. – Дура я старая! Мы же селфи сделать забыли!

– Забыли, – огорчилась Люба. – Жалко!

– Ну хотя бы я тебя на память сфоткаю, Любаша!

Несколько секунд ушло на то, чтобы найти телефон, и ещё несколько – чтобы открыть неумелыми пальцами нужное приложение. Когда камера была включена, поезд уже потихоньку трогался с места. И всё же сделать один снимок бывшая пассажирка успела. Так и осталось в её памяти и в памяти её фотоаппарата – девушка с блестящими от слёз глазами, машущая ей рукой...

Глава 4

– Любаша, можно к тебе? – в дверь служебного купе заглянул Василий Иванович, или попросту Вася. Он быстро оглядел пространство на предмет посторонних людей и улыбнулся, таковых не обнаружив.

– Можно, Вася. Проходи, садись.

Любочка, которая перед его появлением записывала что-то в толстую тетрадку, закрыла её с некоторой поспешностью и, привстав, убрала в верхний шкафчик. Вася сел на другой конец полки.

– А твоя соседка уже того, вышла?

– Вышла.

– Ты после неё всё проверила?

– Как тебе не стыдно, Вася! – с таким укором сказала девушка, что Вася тут же покраснел. – Ирина Вячеславовна очень порядочный и благородный человек!

– Да я что, я же ничего такого не говорил...

– Говорил, Вася, – вздохнула Люба. – И думал. Но это потому, что ты пока не очень хорошо в людях научился разбираться. Ничего, с возрастом придёт, если, конечно, ты будешь внимательней к миру присматриваться.

– Ты так говоришь, как будто я сосунок малолетний! А ведь я на два года старше тебя!

– У мальчиков взросление позже происходит, чем у дево-

чек, – улыбнулась Люба. – Не в обиду говорю, дружок, просто констатирую.

– На тебя невозможно обижаться, Люба.

– Не во мне дело, Вася. А в том человеке, который волен решать сам для себя – обижаться ему или нет. Впрочем, куда это меня потянуло... Ты ведь что-то от меня хотел?

– Хотел, – Вася глубоко вздохнул. – Мы с тобой говорили в прошлый раз... Я предлагал тебе... Ты подумала, Любочка?

– Но я же тебе сразу всё сказала, Вася! С тех пор мнение моё не поменялось.

– Мне показалось, что ты не окончательно решила... – Он заторопился: – Любочка, я тебе обещаю, что если ты согласишься, то никогда об этом не пожалеешь, правда! Я знаю, как сделать тебя счастливой!

– Действительно знаешь? – улыбнулась девушка.

– Самое важное для тебя – продолжать жить такой кочевой жизнью, как ты привыкла, и я с удовольствием поддержу тебя в этом! Подумай сама, где ещё найдёшь ты такого человека, который безропотно согласится повсюду следовать за тобой и вместе с тобой? Ведь я подхожу тебе по всем статьям, Люба! Я тоже связал свою жизнь с железной дорогой, а потому знаю все её тяготы. Я тоже, как и ты, привык засыпать под стук колёс, а просыпаться в новом городе. А ещё я очень люблю тебя, Люба, а это тоже ведь немаловажно для удачного брака!

– Для удачного брака (боже, какое скучное словосочетание!) необходимо ещё кое-что, Васенька. Необходимо, чтобы невеста тоже любила жениха. А я не могу про себя такого сказать. Не обижайся, дружок.

– Иногда ты бываешь жестока, Люба! – с горечью вскричал Василий.

– Зато искренна. Разве было бы лучше, если бы я обманывала тебя? Жить в браке без любви, Васенька, – это мука, это страдание, причём для обоих. Ты пока этого ещё не понимаешь, не знаешь.

– Но ты-то откуда знаешь!

– Просто знаю, и всё, – пожала плечами девушка. – Ты теперь иди, дружок, мне нужно уборкой заняться.

– Не называй меня этим глупым словом!

– Разве оно глупое? Впрочем, извини, больше не буду, если тебе не по душе. Иди, Васенька, иди.

Вася, понурившись, встал.

– Нет, подожди! – вскочив, Люба взяла его за руку и заглянула в тоскливые глаза. – Не обижайся на меня, пожалуйста! Я знаю, как тебе больно сейчас, как горько, я же не бесчувственная, Вася! Но я хочу, чтобы ты тоже знал – я очень ценю нашу с тобой дружбу и даже горжусь ею. Ведь ты – славный чистый человек, а это дорогого стоит, поверь мне! – Она поцеловала парня в щёку. – Ну а теперь иди, Васенька!

Она подтолкнула его к двери, и Вася вышел с улыбкой, храня на своей щеке нежный девичий поцелуй...

«18 марта

Сегодня мне почему-то стало жаль, что я не знала свою бабушку... Мне подумалось, что она ведь могла быть немножко другой, не такой, какой её мама запомнила. Но даже если и такой (хотя я сильно сомневаюсь в этом, ведь не может человек состоять только из одного цвета!) – откуда мне знать, какие страшные невзгоды могли выпасть на её долю и тем самым сделать её характер таким жестоким! Мама бы сказала сейчас, что я оправдываю бабушку, но я вовсе не оправдываю, ведь не впустить в дом родную дочь с младенцем – это подло, это преступно! Но... вдруг она потом всю жизнь раскаивалась в этом? И умерла, так и не сбросив с себя этот неподъёмный груз... Каково ей было умирать в одиночестве?..

О вчерашнем дне я записала только две строчки, хотя прожила, наверное, двести. А уж сколько проговорила! Мы с Ириной Вячеславовной, моей гостьей, проболтали весь вечер. Она оказалась чудесным человеком, хотя сначала увиделась мне совсем в другом свете. Ну да я написала вчера об этом. Мы много говорили. Она рассказывала о своей жизни, о семье, о своих двух сыновьях, а я так увлеклась уютностью и искренностью нашего разговора, что и сама разоткровенничалась. Между прочим, впервые с незнакомым человеком! Только с мамой получались у меня такие беседы, и мне их, конечно, теперь страшно не хватает...

А утром Ирина Вячеславовна сошла, и я почему-то почувствовала такую пустоту и такую горечь, как будто ещё раз попрощалась с мамой. Глупо, конечно. Каждый день в моей жизни происходят встречи и расставания, но я никогда не...

...Пришлось прерваться, потому что приходил Вася. Бедный влюблённый мальчик... И жаль мне его, и неловко за себя, бесчувственную. Наверное, мне по наследству достались бабушкины гены, которая, по маминым словам, никого никогда не любила. Я думаю, что я тоже не смогу никого полюбить. Я даже уверена в этом, слишком много во мне разумной логики и внимательности к деталям. А ведь в любви, как мне кажется, нужно горячее сердце, а вовсе не холодный ум! Да, сердчишко-то у меня подкачало...»

Глава 5

– Люба, можно к вам? – в служебное купе заглянул мужичок, посылавший вчера соседку по купе в спорткомитет. Сейчас его было не узнать! Одетый в чистую, хоть и мятую, белую рубаху, гладко выбритый, приятно пахнущий мужским одеколоном – он словно скинул с себя лет десять. Правда, целостность образа немного нарушали вытянутые в коленках спортивные штаны и босые ноги в шлёпанцах, но нельзя же требовать от пассажира поезда дальнего следования полной гармонии!

– Да, слушаю вас! – девушка, заполнявшая бланки учёта за столом, подняла голову. – Ой, это вы, Олег Сергеевич!

– Это я! – самодовольно усмехнулся мужичок и присел, отодвинув с полки стопку постельного белья. – У вас отличная память на имена, Любочка!

– Это профессиональное, Олег Сергеевич.

– Можно просто Сергеич!

Мужичок закинул ногу на ногу, и от вида его волосатых пальцев, выглядывающих в прорезь шлёпок, Любе стало смешно.

– Итак, какой у вас ко мне вопрос?

– Сердечный!

– То есть?

– Я хочу предложить вам, Люба, своё сердце. И руку!

И он подкрепил свои слова широкой ладонью, протянутой проводнице. Люба прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Я наблюдаю за вами второй день, и понял, что лучшей партии, чем я, вам не найти!

– Мне?!

Девушке потребовалось ещё больше усилий, чтобы удержать свои губы от предательской улыбки.

– Естественно! Я думаю, вам очень повезёт со мной. – Сергеич принялся загибать пальцы на руке: – Я не злой, не жадный, не лентяй, не подлец, и со мной вы точно не соскучитесь! Обещаю! – И он потряс кулаком в воздухе.

– Про последний пункт я уже поняла, Олег Сергеевич, – кивнула девушка.

– За первые четыре тоже зуб даю! Итак, каков будет ваш ответ? – Он поменял ноги местами и, довольный собой, вальяжно откинулся назад. Люба кашлянула, заглушая готовый вырваться наружу весёлых смех.

– Мой ответ – нет.

– Почему? – удивился мужичок.

– Вы слишком хороши для меня, Олег Сергеевич. Боюсь, мои собственные качества далеки от совершенства, в отличие от ваших. – Люба раскрыла ладошку и принялась загибать пальцы: – Необразованная, не спортивная, не люблю пьяных людей, порой бываю недоброй, и самое главное «не», – Люба подняла большой палец, – я не умею готовить. Вообще. Совсем. Даже яичницу сделать не смогу.

– Как же так? – последний пункт явно его расстроил. – Каждая женщина должна уметь готовить!

– А я вот не умею. И знаете, что я вам скажу по секрету, – Люба понизила голос, – и не должна уметь!

– Почему? – обалдел Сергеич.

– А зачем мне готовить в поезде, если тут ресторан есть? Кстати... – Люба вытащила из пачки проездных билетов один, – вот ваш билет, Олег Сергеевич. Ведь вам через час выходить. Спасибо, что сами зашли за ним.

– Но я не...

– А теперь идите собирайтесь, Олег Сергеевич. А то забудете что-нибудь в спешке! Идите, идите!

И таким строгим взглядом проводница посмотрела на пассажира, что тот вскочил, пробормотал что-то себе под нос и выбежал из купе. Люба приложила ладошки к лицу и беззвучно захохотала.

Это была самая длинная остановка в пути, самый крупный город и потому самая многочисленная замена одних пассажиров на других.

На этой станции сошёл на берег и незадачливый жених, вновь переодевшийся в свою тельняшку. Он проскользнул мимо Любы, не поворачивая головы, словно уже забыл о её существовании, хотя дело, конечно, объяснялось другим – его встречали. Широкобёдрая краснощёкая блондинка в обтягивающих джинсах и с ярко накрашенным лицом бдитель-

но следила за спускавшимися на платформу пассажирами (уже бывшими), выискивая взглядом своего. При виде Сергеича лицо её напряглось, а ноздри раздулись, как у ищейки, почуявшей жертву. Именно поэтому, даже не попрощавшись с проводницей, бедняга сразу направился к своей подруге, которая отметила радость встречи по-своему: со всего размаху кулаком по уху Сергеича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.